

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 528–537

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 528–537

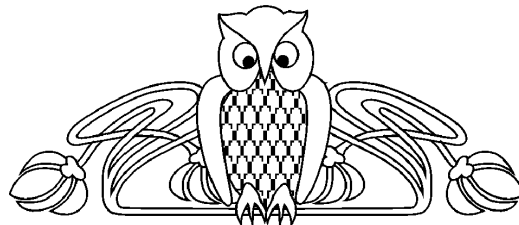
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-528-537>, EDN: YZGNTI

Научная статья

УДК [364-787.24:342.25](470.44)|18/19|

Формы благотворительной деятельности Саратовского земства: социальная защита детства (1870–1910-е годы)

Е. Н. Морозова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Морозова Елена Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии, morozovaen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3436-151X>, AuthorID: 723910

Аннотация. В статье представлена характеристика одного из важных и наименее исследованных направлений социальной политики органов земского самоуправления – благотворительной деятельности на примере Саратовской губернии. Основное внимание уделяется формам защиты детства, процессу создания в губернии системы земской помощи детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей. Важное место отводится истории создания Земского сиротского приюта и других институтов социального попечения подкидышей.

Ключевые слова: благотворительность, социальная политика, земство, дети, подкидыши, незаконнорожденные, Земский сиротский приют, «Ясли», патронат

Для цитирования: Морозова Е. Н. Формы благотворительной деятельности Саратовского земства: социальная защита детства (1870–1910-е годы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 528–537. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-528-537>, EDN: YZGNTI

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Forms of charitable activities of the Saratov Zemstvo: Social protection of childhood (1870–1910s)

E. N. Morozova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elena N. Morozova, morozovaen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3436-151X>, AuthorID: 723910

Abstract. The article presents a case study of one of the important and least researched areas of self-government bodies' social policy – charitable activities of the Zemstvo in Saratov province. The main attention is paid to the forms of childhood protection and the process of building up a system of Zemstvo's assistance to orphans and children left without parental care. The paper places a significant focus on the history of creation of the Zemstvo's orphanage and other institutions of social care for foundlings.

Keywords: charity, social policy, Zemstvo, children, foundlings, illegitimate children, Zemstvo's orphanage, "Nursery", patronage

For citation: Morozova E. N. Forms of charitable activities of the Saratov Zemstvo: Social protection of childhood (1870–1910s). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 528–537 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-528-537>, EDN: YZGNTI

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Конституция РФ провозгласив Россию социальным государством, определила основные направления социальной помощи населению, где в ст. 39 (п. 3) говорится о поощрении дополнительных форм социального обеспечения и благотворительности. Кроме положений Конституции, законодательство о благотворительной деятельности основано на Гражданском кодек-

се и Федеральном законе от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях». В редакции от 5 февраля 2018 г. он стал называться Федеральным законом № 15-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)». Последние изменения в этот Закон вносились 14 июля 2022 г. № 340-ФЗ [1].

Актуализация интереса к различным формам социальной помощи населению заставляет обратиться к опыту земской благотворительной деятельности, в том числе и помощи детям-сиротам, детям, оставшимся без попечения родителей.

Социальным практикам органов земского самоуправления (здравоохранению, культурно-просветительской деятельности) посвящен значительный круг работ отечественных и зарубежных историков, однако земская благотворительность является нечастым сюжетом в публикациях как историков прошлого, так и современных авторов. Работа Е. Д. Максимова, посвященная земской благотворительности, по сути представляет собой источник с большим количеством фактографического материала по общественному призрению второй половины XIX в. [2]. Чаще всего эта проблематика являет собой составную часть обобщающих трудов по истории отечественной благотворительности [3] или исследований по региональным сюжетам в форме статей [4] и диссертаций [5]. Еще более редкий сюжет в «земствоведении» – вопросы социальной защиты детства как одного из приоритетных направлений благотворительной деятельности земства [6].

Российские земства отличались большим разнообразием социального состава, направлениями и интенсивностью своей работы. Поэтому очень важно исследовать деятельность локальных земств, выявить общность и различия в главных сферах бытия этого политического института, в частности, в помощи обездоленным детям.

С образованием Саратовского земства (1866 г.) в соответствии с Высочайше утвержденными правилами Приказ общественного призрения передал Саратовскому губернскому земству 210 тыс. руб. в облигациях Главного общества железных дорог, с которых земство могло пользоваться только процентами в размере 9450 руб. [7, с. 236.]. В 1900 г. данная сумма возросла всего до 11 тыс. руб. [8, с. 4], но этой мизерной суммы, естественно не хватало, и губернское земство ежегодно приплачивало на дела благотворительности из губернского сбора и других видов капитала (почтового, запасного, дорожного).

Одновременно с обязанностями Приказа общественного призрения Саратовскому земству были переданы две богадельни (Александровская, Устиновская), Александровская больница, психиатрическая лечебница. В отличие от некоторых других губерний в ведении Саратовского Приказа общественного призрения не было специализированного учреждения, которое бы занималось детьми, находившимися в тяжелой жизненной ситуации. Но именно эта сфера становится одной из важнейших в социальной помощи населению Саратовского земства.

Самое крупное учреждение социальной защиты детства – Земский сиротский дом (приют) – возник на основе детского приюта под названием «Ясли», созданного группой благотворителей в первой половине 1870-х гг. Интерес к данной детской благотворительной организации обусловлен тем, что именно в период субсидирования этого учреждения Саратовское земство апробирует свою систему призрения малолетних. Историю «Яслей» можно разделить на три этапа: 1874–1877; 1878–1882; 1883–1889. На первом этапе «Ясли» представляли собой специализированный детский приют, который в соответствии со своим уставом был предназначен для присмотра за малолетними детьми работающих женщин и являлся филиалом 2-го детского приюта имени М. Н. Галкина-Враского, саратовского губернатора, основавшего это учреждение [9, с. 274]. В. В. Назаров ошибочно полагает, что «Ясли» с 1877 г. перешли в ведение земства [10, с. 68], но этот год, действительно, стал знаковым как для приюта, так и для становления основной формы земской системы помощи обездоленным детям. В 1877 г. губернское земское собрание обратилось к руководству «Яслей» с предложением принять на воспитание 6 подкидышей, переданных полицией в Александровскую богадельню, где они призрелись наряду с «сырыми и убогими» взрослыми. Считая, что детям нужен специализированный уход, в 1878 г. земские гласные пришли к выводу о том, что подкидышей лучше отправлять в приют не из богадельни, а сразу из полиции, что полезнее для их здоровья [9, с. 272].

С 1878 г. земство ассигновывает на нужды «Яслей» 2,9 тыс. руб. Эта сумма возросла до 4 тыс. в 1882 г., а в конце 1880-х гг. составила 5 тыс. руб. [9, с. 272–273]. За 10 лет земские субсидии приюту достигли 37 тыс. руб. Это сумма была одной из самых значительных, потраченных на социальные нужды Саратовским земством в 1880-х гг. Она представляла собой практически единственный источник существования этого детского учреждения [11, с. 63]. В качестве примера можно привести доходную смету «Яслей» на 1888 г.: общий доход составлял 5790 руб. Из них от губернского земства поступило 5 тыс. руб., а остальные средства – 790 руб. – это небольшие частные пожертвования, включая 557 руб. дохода от гуляний на бульваре, организованных женой губернатора А. В. Косича [9, с. 273].

В 1882 г. общество, создавшее «Ясли», разорилось, что поставило под угрозу само существование детского приюта. Причины развала общества администрация и земство объясняли по-разному: первая утверждала, что эта ситуация произошла вследствие отъезда членов-учредителей из Саратова; а, по мнению земских гласных, они просто «охладели к своей деятельности» [9, с. 64, 272]. Приют оказался на грани

краха, но в дело вмешалось Губернское попечительство о сиротских приютах, в ведение которого и перешли «Ясли». В конце 1880-х гг. в состав попечительства входили губернатор А. И. Косич, вице-губернатор А. А. Высоцкий, и. д. городского головы И. Я. Славин, председатель губернской земской управы В. В. Безобразов, член губернской земской управы, заведующий богоугодными заведениями П. П. Алексеев, губернский предводитель дворянства Л. Л. Голицын [9, с. 274].

Между тем и после перехода «Яслей» под эгиду Губернского попечительства земство продолжало субсидировать это детское учреждение. Однако в 1889 г. обозначился конфликт между Губернским попечительством о сиротских приютах и Саратовским губернским земством. Попечительство считало, что, во-первых, с ростом числа опекаемых детей земских средств явно недостаточно: сумма, предназначенная для одного питомца, сократилась почти в 2 раза: (с 7 до 3,8 руб.). Недостаток финансов привел к возникновению дефицита, и общая сумма расходов на приют составила 8,2 тыс. руб. (гораздо больше того, что давало губернское земство). Попечительство потребовало увеличить содержание каждого ребенка до 5 руб. 84 коп. и возместить возникший дефицит [9, с. 147].

Во-вторых, по мнению Попечительства, был нарушен главный принцип устава «Яслей»: из приюта, предназначенного для присмотра за малолетними детьми работающих матерей, он постепенно превратился в приют для подкидышей. Следовательно, «Ясли» приняли на себя повинности, возложенные законом о переходе обязанностей от Приказа общественного призрения к земству [9, с. 147, 272–273]. Таким образом, Попечительство недвусмысленно намекало на то, что с изменением статуса «Яслей» они должны перейти в ведение органов земского самоуправления.

В свою очередь, земские гласные предъявили свои претензии губернскому Попечительству о бесконтрольном расходовании земских средств. Они упрекали ведомство в нарушении договоренностей: в 1887 г. главным условием выдачи земского пособия «Яслям» стало введение в попечительский совет члена губернской управы и предоставление ежегодных отчетов. Но в течение двух лет «представитель губернской управы не приглашался на заседания и деньги выдавались безотчетно» [9, с. 147].

В 1889 г. группа гласных (С. А. Панчулидзе, Н. С. Ермолаев, Э. Есеев, Е. Н. Буковский) предложила взять дело благотворительной помощи обездоленным детям в руки земства, что было бы «удобнее и целесообразнее». Земство будет иметь возможность основать систему призрения подкидышей на основе принципа децентрализации [9, с. 147, 149]. Нужно сказать, что эта идея была не нова. Впервые она прозвучала на земском собрании 1884 г., где

земцы предлагали создать систему призрения сирот, «которая не должна зависеть от случайностей» [12, с. 64–65].

Конфликт разрешился к обоюдному удовлетворению: обе стороны пришли к единому мнению о передаче «Яслей» в ведение земства. Саратовское губернское земское собрание 1889 г. приняло резолюцию: устроить Земский сиротский дом и принять с 1890 г. «в свое непосредственное заведывание дело призрения подкидышей» [9, с. 150]. Это событие знаменовало окончание первого этапа развития земской благотворительности в сфере социальной помощи детям. На этом этапе (вторая половина 1860-х – 1890 гг.) благотворительная деятельность Саратовского земства находилась в стадии становления, в том числе и в сфере социальной защиты детства. Оно субсидировало не только «Ясли». Денежные средства получали Учебно-исправительный приют, Приют для малолетних преступников, Саратовское реальное училище, женская Мариинская гимназия, мужская классическая гимназия. Одной из форм помощи «недостаточным» ученикам средних учебных заведений стало назначение стипендий. Несколько стипендий было предназначено для неимущих студентов вузов, детей земских служащих, обучавшихся в Петербургском, Московском, Казанском университетах. Стипендиальные расходы в 1867–1890 гг. составляли незначительную ежегодную сумму от 3 до 5 тыс. руб. [11, с. 76, 172].

Б. Б. Веселовский негативно оценивал благотворительность органов земского самоуправления, считая, что земства на эту сторону деятельности обращали «мало внимания», и все мероприятия «носили случайный характер» [13, с. 443–444]. Безусловно, эта характеристика может относиться к первому этапу деятельности земства в данной сфере.

С 1890 г. начинается второй этап развития благотворительных практик земства. Этот процесс шел в рамках усложнения всех социально-экономических и социокультурных направлений земской деятельности. Изменения касались не только количественных, но и качественных ее сторон, что можно проследить на примере социальной защиты детства. Главным ее объектом в Саратовской губернии становится Земский сиротский дом. Первоначально он располагался на Митрофаньевской площади в доме Свиридова, позже приют разместился в Александровской богадельне (на Большой Сергиевской в здании земской больницы) [14, с. 24, 124].

По свидетельству Б. Б. Веселовского, Саратовский земский сиротский дом к началу XX в. стал одним из крупнейших среди земских приютов России [13, с. 441–442].

Точное количество детей, призриваемых в приюте, установить сложно, ибо шел постоянный процесс ротации детей: передача их из детского дома в патронатные семьи или

на усыновление. Б. Б. Веселовский, ссылаясь на саратовского земского врача В. Д. Ченькаева, говорит о ежедневном присутствии в нем 560 приемышей [13, с. 442]. В. В. Назаров считает, что в Сиротском приюте «числилось 2117 детей» [10, с. 71]. Безусловно, такое количество малышей старое здание Александровской богадельни вместить не могло. По всей видимости, в это число были включены дети, воспитывающиеся в патронатных семьях и семьях усыновителей. Заведующий приютом врач Борис Павлович Бруханский утверждал, что в помещении бывает не более 100 чел. Но, как очевидно из контекста документа, речь шла только о «грудном» отделении [15, с. 27].

В связи с постоянным увеличением количества детей в Сиротском доме, различавшихся по возрасту, в приюте было создано два отделения: «грудное» и «хлебное». Катастрофическое положение с наплывом брошенных детей отмечалось в годы Первой мировой войны. Только число грудных детей за год возросло более, чем на треть (с 68 до 108 чел.) [16, с. 21]. Сиротский дом был переполнен. «Грудное» и «хлебное» отделения занимали верхний этаж, ниже находились служащие, а на первом этаже располагалась земская богадельня. Ее в 1914 г. земству пришлось практически ликвидировать для того, чтобы расширить приют. Гласные предполагали увеличить «грудное» отделение, а «хлебное» перевести в помещение богадельни. Судьба богадельцев решалась таким образом: десяти человекам отказали, 16 поместили в Устиновскую богадельню, и шестерым – выдали пособия и отправили на попечение сельских обществ. Земские гласные прекрасно понимали, что в этой ситуации выход был только один: строительство нового здания Сиротского дома и, несмотря на тяжелейшее военное время, медицинская комиссия во главе с А. П. Минхом ходатайствовала о постройке нового здания земского приюта за городом. Правда, планировали его строительство через 4–5 лет [16, с. 20, 77].

К 1910 г. в Сиротском доме, с точки зрения содержания и управления приютом, произошли радикальные изменения. Его обслуживали более 20 чел. во главе с заведующим приютом доктором Б. П. Бруханским, который искренне заботился о своих питомцах. Врач получал жалование несколько меньше, чем уездные земские врачи (1280 руб.), но при этом земство оплачивало квартиру, отопление, освещение. Эти же привилегии имели помощник врача, надзирательница, 7 фельдшерниц, учительница-воспитательница. Кроме них, в число обслуживающего персонала входили кастелянша, 33 кормилицы, 5 нянь и 2 их помощницы, кухарка, посудница, 2 коридорных, дворник, служитель, швея [17, с. 55–57].

Земский сиротский дом поглощал львиную долю субсидий на благотворительные

цели. В 1897 г. земство ассигновало на приют 18 тыс. [18, с. 38], в 1906 г. – 33,7 тыс.; в 1907 г. – 40,5 тыс. руб. [19, с. 72], в 1908 г. – 54,1 тыс. [20, с. 358], в 1911 г. – 60 тыс. руб. [15, с. 32]. Расходы земства на Сиротский дом постоянно росли и в 1913 г. составили 70 тыс. руб. [10, с. 71], т. е. за полтора десятилетия финансирование приюта увеличилось почти в 4 раза.

Для того чтобы создать систему защиты детей на современной научной основе, заведующий Сиротским детским домом был отправлен земством в командировку за границу, где он познакомился с достижениями европейских стран в сфере призрения малолетних. После знакомства с формами защиты детства во Франции он еще больше уверился в необходимости широкого развития института патроната, который позволил снизить смертность детей в парижских детских домах до 20–25% [15, с. 35].

Система детского призрения, разработанная Саратовским земством (так же, как и в других земских приютах), строилась на принципах децентрализации, в основе которой лежали институты патроната и усыновления. Ее цель заключалась в том, чтобы в самом Сиротском приюте содержалось минимальное количество детей, где они бы получили медицинскую помощь, смогли бы адаптироваться к новым условиям, а затем – передавались в приемные семьи.

К 1911 г. полностью сложилась система патроната в Саратовском земстве. Как и в других земствах России, она представляла собой возмездную форму призрения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Детей из Земского сиротского приюта передавали в крестьянские семьи (аналог современной патронатной семьи) [21, с. 30].

В Саратовской губернии существовала система участкового патроната. Сама схема передачи детей в патронатные семьи выглядела следующим образом: при Земском сиротском приюте была введена должность губернской разъездной фельдшерницы, которая осматривала кормилиц и ее родных детей. Она передавала свое заключение о здоровье будущей патронатной семьи в губернскую земскую управу, которая принимала решение о передаче детей в семьи [15, с. 26]. Только после этого дети переходили под надзор патронажных фельдшерниц. Первоначально детей отдавали только в села, находившиеся вблизи от столицы губернии. Это было вполне объяснимо: на трех разъездных фельдшерниц ложилась огромная нагрузка. В частности, в патронатных семьях в 1911 г. находились 700 детей: до года – 163; от 1–2 лет – 151; от 2–3 лет – 136; от 3–5 лет – 199; от 5–7 лет – 52; от 7 лет – всего 4 чел. В патронатные семьи были приняты 18 детей, страдающих различными хроническими заболеваниями. Следует заметить, что существовала регрессивная шкала оплаты труда кормилиц: чем

старше был ребенок, тем меньше денег получала патронатная семья. Женщинам, кормившим детей до года, выплачивали по 48,8 руб.; семьям, в которых призрелись дети старше 7 лет, платили в 4 раза меньше – по 12 руб. [15, с. 30]. Содержание патронатных семей представляло собой самую значительную сумму (1/3) из ассигнований на Сиротский приют [15, с. 31, 34].

К 1911 г. происходят изменения в системе патроната. Увеличились ассигнования на жалованье разъездным фельдшерицам: с 360 до 540 руб., сумма на разъезды по патронажным участкам составляла 182 руб.; Губернская разъездная фельдшерица получала 600 руб. Ей полагалось еще 250 руб. на разъезды и по 50 коп. (100 руб.) суточных. Появилась специальная статья в расходах по Сиротскому дому: на вознаграждение среднего медицинского персонала [15, с. 26].

Однако главное изменение в системе патроната состояло в том, что земские гласные приняли решение о продолжении процесса децентрализации и распространении патроната на отдаленные уезды. Неизбежность этого процесса объяснил Б. П. Бруханский: «вредная скученность» детей, определение их в 10–15 ближайших сел приводило к росту смертности не только приемышей, но и родных детей местных жителей [19, с. 72]. К этому мнению присоединилось и большинство губернских гласных. Они были уверены в том, что смертность детей в патронатных семьях ниже, чем в приюте. В журнале заседаний губернского собрания за 1911 г. приводились вопиющие данные дальнего привоза детей в Сиротский дом: из 8 детей, привезенных из Сердобского уезда, умерли 7; из 30 человек, поступивших из Петровского уезда, умерли 20. Расширение патроната по уездам, по их мнению, представляло собой «спасение человека», «единственная и наилучшая мера для сохранения жизни детей» [15, с. 35].

Губернское земство обратилось к уездным управам о распространении патроната на всю территорию Саратовской губернии, но согласие дали лишь 3 уездных земства (Царицынское, Вольское, Кузнецкое), а земские управы Сердобского, Аткарского, Петровского уездов отказались от устройства патроната на своих территориях. Главное препятствие состояло в отсутствии надлежащего надзора, ибо патронажные фельдшерицы не могли присматривать за приемышами в силу удаленности этих уездов от Саратова. Тогда земство обратилось за помощью к земским врачам, и Санитарный совет принял единогласное решение об установлении врачебного наблюдения за детьми в патронатных семьях [15, с. 36].

Такое пристальное внимание к институтам патроната и усыновления для земцев коренилось как в материальной, так и в гуманной стороне дела. С одной стороны, эти формы призрения позволяли сократить земские расходы на содержание

детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Но была и другая сторона вопроса – морально-нравственная, которая заботила земских гласных: они хотели по возможности избежать материнской депривации [22, с. 141] и сократить младенческую смертность. А. П. Минх предлагал устроить в Сиротском доме своего рода «антикризисный центр» для женщин, которые хотели отказаться от своих детей. Он считал, что нужно оставлять женщин на два месяца со своими младенцами в надежде на то, что в них проснутся материнские чувства, и они не станут умножать число несчастных подкидышей. А. П. Минх подчеркнул, что об эффективности такого подхода свидетельствует опыт Западной Европы [19, с. 74]. Практика показала справедливость такого подхода: Б. П. Бруханский отмечал, что матери, кормившие своих младенцев в приюте, часто их забирают домой, ибо «только крайняя нужда заставляет матерей расставаться с детьми» [15, с. 32].

Безусловно, земские гласные были сторонниками передачи детей не только в целях удешевления содержания воспитанников, но и в целях получения усыновленными гражданских прав, которых были лишены подкидыши. Нельзя забывать, что в России существовало крайне негативное отношение к незаконнорожденным детям и их матерям, которые становились изгоями, маргиналами. Вспомним монолог знаменитого литературного «подкидыша» Г. Незнамова «о горькой участи несчастных сирот», которые со дня рождения «не знают другого ощущения, кроме боли»: «Умереть – это самое, что можно пожелать этому новому гостю в мире» [23, с. 880, 919].

Земская документация свидетельствует о том, что земские гласные пытались заботиться о своих подопечных как с точки зрения материальной, так и с точки зрения получения ими прав, которые имеют родные дети приемных родителей. Саратовское губернское земство еще в 1906 г. приняло решение обратиться в духовное ведомство с тем, чтобы в метриках воспитанников детского приюта не писали слово «подкидыш» [19, с. 72]. Оно стремилось сделать так, чтобы обездоленные дети стали полноправными гражданами. В журнале заседаний губернского земского собрания сохранились сведения о том, что крестьяне Петровского уезда отказывались брать приемышей: они не хотели наделять землей чужаков. Представители губернской управы возражали, замечая, что земство по возможности отправляет на патронат или усыновление детей, брошенных на территории уезда и надделение этих детей землей даст им «возможность быть гражданами» [15, с. 36].

Губернское земство уже в 1905 г. поставило благородную, но абсолютно невыполнимую задачу: отдать на усыновление половину

детей [19, с. 111]. Для того чтобы материально обеспечить будущее усыновленных детей и заинтересовать усыновителей, были приняты специальные Правила о признании детей приюта, где параграф 19 был посвящен условиям усыновления детей. Собственно говоря, эти Правила подтвердили уже сложившуюся практику. На имя усыновленных мальчиков не старше 3-х лет делался вклад в банк в размере 25 руб. под проценты сроком почти на два десятилетия. Сумма, положенная на имя девочек, была в 2 раза больше: им полагались деньги на приданое. Эти средства с процентами можно было получить усыновленным по достижении совершеннолетия (21 год). Усыновленные имели право забрать эти средства в течение 1,5 лет. Вклад можно было получить и позже, но проценты в таком случае не нарастали. Однако эти правила не распространялись на детей, усыновленных зажиточными семьями, которые сами должны были обеспечивать будущее своего ребенка [15, с. 31].

Безусловно, встает вопрос об эффективности системы признания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, созданной Саратовским земством. Прежде всего, нужно отметить, что институты патроната и усыновления развивались с переменным успехом, в зависимости от социально-политической обстановки в стране.

В 1906 г. земские гласные отмечали, что в 1905–1906 гг. «усыновление – колоссальное». Это можно объяснить тем, что эпоха Первой русской революции сопровождалась тяжелейшим аграрным кризисом, и 25 руб., которые получали усыновители, была значительной суммой для нищих крестьянских семей [19, с. 110–111]. Если в начале XX в. усыновляли 50–60 чел. в год, то в 1905 г. этот процесс шел очень быстрыми темпами: 190 детей получили приемных родителей [19, с. 72], а в 1914 г. ситуация заметно изменилась. В связи с началом Первой мировой войны число подкидышей намного выросло, и выступления земских гласных представляли собой вопль отчаяния: «Положение ужасное. Нам некуда скоро будет девать детей. Их не хотят брать» [16, с. 21]. Одновременно резко уменьшилось число усыновителей и патронатных семей. Прием детей в последние, по сравнению с предвоенным периодом, сократился почти в 5 раз: с 90 до 20 чел. [16, с. 19].

Причины подобного положения очевидны: во-первых, женщины в деревне оставались без кормильцев и принять лишний рот в семью – непомерная обуза; во-вторых, в связи с инфляцией те деньги, которые платили патронатным семьям и семьям усыновителей, были слишком незначительны; в-третьих, как отмечали земские гласные, «женщины во время войны получали паек и не нуждались в подобном заработке» [16, с. 21].

Проблема эффективности земской системы признания была тесно связана с вопросами детской смертности. Все исследователи указывают в качестве одной из главных ее причин способ попадания детей в сиротские приюты: тайное подбрасывание («тайный принос») и легальный способ («явный принос») [6, с. 21]. Первый и самый распространенный – оставление младенцев на улице («подзаборные» дети), которые направлялись первоначально в полицию и только потом – в приют; второй, более щадящий – «явный принос» матерями своих детей. Первый путь был абсолютно антигуманным: детей, брошенных на улице, с «обмороженными руками и спинами», «истекающих кровью» привозила полиция в приют [11, с. 63]. Этот способ привоза детей из уездов вызывал возмущение многих земских гласных: «Некоторых детей привозят стражник по 5–6 штук; кормят они детей из горшка с молоком: “Что это за мамка? Что это за нянька? Это позор, если со стражником посылаются по 5–6 детей”» [17, с. 58–59].

Часть гласных Саратовского земства, которые поддерживали предложение доктора Б. П. Бруханского, ратовали за легальный способ приноса матерями детей в приют. Подобные способы практиковали другие поволжские земства, в частности Нижегородское [6, с. 22]. Однако против этого предложения выступали некоторые земцы. Так, Бюджетная комиссия посчитала, что переход к этой системе приема подкидышей увеличит финансовые затраты земства [19, с. 72]. Однако точка зрения большинства земцев о легализации приема детей в Сиротский дом победила, и Саратовское земское собрание 1909 г. приняло резолюцию: сделать принос детей явным по примеру других земств. В целях рекламы плакаты, посвященные пользе легального приноса матерями отказных детей, были размещены по городу и в самом приюте [15, с. 32]. Вопреки опасениям земства количество легально принесенных детей резко не увеличилось, но тем не менее прирост был существенным: в 1909 г. принос составлял 52 чел., в 1910–92 ребенка [15, с. 32].

В России существовала еще одна причина вопиющих цифр младенческой смертности, о которой земские гласные не упоминали. Л. Н. Толстой видел ее в хлебных (отсюда понятие «хлебные дети») сосках («жёвках»). Он отмечал, что «соска убила на Руси людей больше, чем чума и холера и все болезни». Писатель со свойственным ему эмоциональным видением многих негативных явлений русской жизни считал соску главной причиной младенческой смертности, когда ребенок сутками лежал с грязной тряпицей во рту: «В России из 100 новорожденных не доживают до года 33, а местами даже 66 человек» [24].

Важной причиной высокой смертности в приюте земцы считали экологическую составляющую. Речь шла о состоянии здания, в котором находился приют. Это бывший «желтый дом»,

строение, где ранее размещалась психиатрическая лечебница в Александровской больнице. Земские гласные отмечали, что здание «не приспособлено и не отвечает своим целям», но его «постройка нам не по средствам» [15, с. 33]. С каждым годом его состояние ухудшалось и к 1914 г. оно пришло в полную негодность, о чем свидетельствуют эмоциональные выступления земцев на губернском земском собрании. Председатель губернской земской управы К. Н. Grimm отмечал ужасное состояние Сиротского приюта: «Здание настолько ветхо, что оставлять в нем детей без вреда для их жизни и здоровья положительно невозможно. После вскрытия полов обнаружена веками накопившаяся грязь, которая содержит в себе заразу. По стенам – плесень. Люлек не хватает, и детей кладут вповалку на одной кровати по несколько» [16, с. 21]. Земские гласные рисовали страшную картину состояния помещений, в которых находились дети. В приюте «отсутствовало электрическое освещение», «коптили керосинки», «там дышать нечем, там отвратительно!», «50% балок сгнило, потолок грозит рухнуть» [16, с. 21–23]. Н. Ф. Иконников был еще более категоричен в своих суждениях: «Это здание годится только для тюрьмы, но никак не для приюта. Это морильня для детей. Это не приют, а организованное убийство младенцев» [16, с. 21]. Однако раздавались и другие голоса: несмотря на ужасное состояние здания, смертность в Сиротском приюте снизилась по сравнению с предыдущим периодом [16, с. 21–23]. Именно в 1914 г. было принято решение о строительстве нового Сиротского детского дома, о чем говорилось выше.

Как же земство оценивало реальные достижения в сокращении смертности детей-сирот в течение своей деятельности? Первоначально земские гласные были уверены в том, что одна из главных причин большой детской смертности – это проблема скудного финансирования. Они опирались на статистику детской смертности в детском приюте «Ясли». До 1877 г. смертность в приюте была ужасающей – до 80–95%. С увеличением земского субсидирования приюта, с разработкой системы ухода за его питомцами она стала снижаться и в 1884 г. составляла 25–27%. Этот результат земские гласные сочли «блестящим» [12, с. 64–65]. Однако смертность в Земском сиротском доме, несмотря на увеличение субсидирования, оставалась на высоком уровне и доходила до 40% [16, с. 21–22].

Конечно, проблема высокой детской смертности – это не только проблема финансирования. Это проблема общей санитарно-эпидемиологической ситуации в стране. По данным исследователей, в России в 1900 г. младенческая смертность составляла 40,5%, к 1908 г. она снизилась до 38%. На 1000 чел. приходилось 298,8 смертей – показатель один из самых высоких в мире. Причинами высокой детской смертности являлись

желудочно-кишечные, инфекционные заболевания, заболевания органов дыхания. Особенно высокой была детская смертность в летнее время [25, с. 47]. Так что Саратовское земство по этим показателям вписывалось в средние цифры по стране.

Летом детский травматизм и детская смертность увеличивались из-за детских шалостей с огнем и из-за того, что за младенцами присматривали или немощные старики, или малыши, которые только недавно сами начали ходить. Крестьянин И. П. Павлов вспоминал: «Один раз мать и все домашние ушли в поле жать рожь, а мне поручили следить за грудным братишкой Панькой, который лежал в люльке. Мне было пять лет». Мальчик убежал купаться с друзьями «и забыл о Паньке». Когда пришли родители, младенец практически не дышал. Мемуарист отмечал, что «много детей погибало на моих глазах. Это было обычным делом» [26]. Поэтому в социальной практике земства появляется так называемое «ясельное дело» – открытие в полевую страду специальных приютов для малолетних детей, которые в эту пору оставались дома без присмотра («дети беды»). Подобные ясли существовали в ряде земств России [27, с. 136].

Организация яслей-приютов в Саратовской губернии шла непростыми путями: первые 17 яслей появились в 1903 г. [10, с. 128–129]. Расцвет ясельного дела пришелся на годы Первой русской революции, сопровождавшиеся не только политическими катаклизмами, но и страшнейшим неурожаем. Причем количество яслей зависело от инициативы уездных земств. В частности, в 1906 г. в Сердобском уезде существовали ясли на 700 детей, в Камышинском уезде в трех яслях кормились 450 детей [19, с. 155]. В 1907 г. организация яслей в Саратовской губернии достигла своего максимума: приюты были созданы в 133 селениях. С 1908 г. ясельное дело начинает угасать, и к 1914 г. ясли остались только в Вольском уезде [10, с. 180].

Во многом ясельное дело существовало в Саратовском земстве благодаря энтузиасту и пламенному пропагандисту этой формы призрения малолетних – санитарному врачу Н. И. Тезякову, который разработал принципы ее организации. Он считал, что ясли должны функционировать с весны, когда лечебно-продовольственная помощь населению закончится. Санитарный врач специально ездил в Москву, откуда привез 5 тыс. руб. на развитие яслей от благотворителей и ВЭО [19, с. 152, 157].

Некоторые исследователи полагают, что ясли-приюты показали свою востребованность и эффективность как институт социального попечения обездоленных детей [27, с. 143]. Думается, что эффективность этой формы социальной защиты детства нельзя преувеличивать. Во-первых, ряд земских деятелей считали организацию яслей-приютов слишком мелким для губернского

и даже для уездных земств. Именно в это время в российских земствах активно дебатировался вопрос о введении мелкой земской единицы. Поэтому земские гласные были уверены в том, что организация таких учреждений в отдельных селах – это дело волостного земства. Против подобной точки зрения выступил Н. И. Тезяков, с горечью говоривший: «Конечно, ясли – это мелкое дело, которое могло бы быть организовано мелкой земской единицей. Следовательно, ясли-приюты будут висеть в воздухе» [19, с. 53]. Во вторых, действительно, положение земства было крайне сложным в этот период в связи с общей социально-экономической обстановкой в губернии: «Нужда такая, о какой в прошлом году даже не думали» [19, с. 155]. Поэтому своими первоочередными задачами земские гласные считали лечебно-продовольственное дело и организацию общественных работ для голодающего населения губернии. Новый всплеск интереса к устройству летних яслей-приютов земства проявился в 1916 г. В связи с продолжающейся мобилизацией в деревне оставалось все меньше мужчин, и основная нагрузка в летнюю страду падала на женщин, подростков, стариков, а малолетние дети оставались безнадзорными [28, с. 6–7].

В начале XX в. возрастает количество детских учреждений и лиц, на которых распространяется социальная помощь Саратовского земства. Органы земского самоуправления вырабатывают целую систему благотворительной помощи, которая, с одной стороны, носит адресный характер. В земских документах подчеркивалось: «Мы должны субсидировать учреждения, в которых обучаются дети из Сиротского дома, дети земских служащих, дети земских налогоплательщиков» [16, с. 99]. С другой стороны, эта система субсидирования имела четкую цель – земские пособия должны были обеспечить воспитание полезных членов общества.

Деятельность земства в этой сфере напоминала знаменитую притчу о бедняке, рыбе и удочке. Именно земские средства должны были сыграть роль «удочки», которая позволила бы обездоленным детям в будущем добывать средства к существованию. Особое внимание Саратовское земство уделяло специализированным школам и приютам, где обучались дети-инвалиды – слепые и глухонемые. При назначении субсидий земские гласные руководствовались главным аргументом: насколько обучение детей с особенностями развития позволит им социализироваться в обществе и не быть его «пасынками». Они одобрительно отзывались о современных методиках обучения в училище слепых, находившемся в ведении Саратовского отделения попечительства императрицы Марии Александровны, и училище глухонемых, находившемся в ведомстве Саратовского отделения попечительства о глухонемых императрицы Марии Федоровны [20, с. 81–83]. Ежегодные ассиг-

нования земства на эти школы в 1910–1914 гг. составляли от 500 до 2 тыс. руб. [16, с. 23]. Гласные считали, что земское субсидирование позволит детям-инвалидам стать дееспособными гражданами, могущими «добывать свой кусок хлеба»: «Мы даем свет слепым! Благодаря земству они не нищенствуют, не ходят по улицам и не поют Лазаря, выматывая душу» [20, с. 83].

Одним из объектов земской благотворительности являлся пансион-приют для детей беднейших учителей, находившийся в ведении «Общества вспомоществования учащим и учившим в начальных училищах Саратовской губернии». Пособия именно этому приюту вызывало серьезные дискуссии. В нем находились 26 воспитанников разного возраста – от дошкольного до 19 лет. В 1905 г. губернские гласные обвинили членов общества в политическом уклоне, «полуреволюционных инстинктах», в проведении политических митингов, которые проходили на территории пансиона [19, с. 53, 55]. Действительно, в отчете общества отчетливо звучали политические мотивы: «В конце 1904 г. обычное течение русской жизни резко изменилось. В обществе начала подниматься, шириться и крепнуть волна освободительного движения. Все сознательное, разумное по мере сил принимало участие в этом великом движении. Не могло остаться безучастным к делу освобождения Родины и учительское общество. Профессиональные задачи отодвинуты на задний план, и приниженный, придавленный народный учитель вздохнул полной грудью и вздохнул свободно» [29, с. 325–326]. После подобных заявлений ряд гласных выступили против любых ассигнований на нужды пансиона. Но были и такие гласные, которые считали, что благотворительная деятельность не должна зависеть от политических убеждений ее объектов: «Мы оказываем помощь не обществу учителей, а пансиону-приюту». Для нас должны быть «безразличны политические убеждения самого общества» [29, с. 325], «дети учителей голодают в деревнях» [19, с. 62]. Земское губернское собрание, продолжая политику социальной поддержки детства в 1906–1908 гг., ассигновывалось ежегодно на нужды пансиона-приюта по 1 тыс. руб. [29, с. 327].

Саратовское земство в начале XX в. продолжало субсидировать приют им. М. Н. Галкина-Враского, на нужды которого только в 1910 г. было ассигновано 4 тыс. руб. [17, с. 222], Приют малолетних преступников [17, с. 129], частную детскую Поздеевскую больницу [16, с. 101].

Особую статью расходов земства на благотворительные цели составляли пособия и стипендии, которые получали воспитанники Сиротского дома, а также дети служащих Саратовского земства, чьи родители не могли оплатить обучение в средних и высших учебных заведениях. В отличие от 1860–1880-х гг. стипендиальные

выплаты увеличились, возросло количество детей и молодых людей, получающих земские стипендии. С 1908 г. ежегодные стипендии составляли 11 тыс. руб.: из них 3 тыс. предназначалось неимущим студентам вузов, 8 тыс. – для недостаточных учеников средних и низших учебных заведений [29, с. 302]. Возросло число земских стипендиатов в вузах и увеличилось количество высших учебных заведений, в которых они обучались. Появились и новые земские стипендиаты – женщины, обучающиеся в фельдшерской школе, на Высших женских курсах, в Петербургском женском медицинском институте [17, с. 210–218]. К 1914 г. общая сумма, потраченная губернским земством на пособия и стипендии, достигла 29 тыс. руб. [16, с. 25].

В связи с возрастанием ассигнований на эти цели губернское земство принимает специальные правила о возвратности денежных средств, выдаваемых на стипендии. Была разработана специальная форма-обязательство, где земство обязывалось выплачивать деньги студенту 2 раза в год; в свою очередь, тот обязывался каждый раз предоставлять справку о том, что он состоит в числе обучающихся. По окончании вуза, устроившись на службу, молодой специалист обязан был выплатить всю сумму стипендии в течение 20 лет [29, с. 314–315].

Таким образом, благотворительная деятельность земства, так же как и другие сферы его социокультурной политики и практики, оказалась гораздо шире, нежели это было предназначено правительством. В Саратовском земстве, как и в других земствах России, в 1870–1890 гг. происходило становление системы благотворительной помощи населению [3, с. 333]. Как и все направления социальной политики земства, его благотворительная деятельность шла в рамках эволюции: от становления до превращения в разветвленную систему помощи нуждающемуся населению.

В 1890-е гг. – начале XX в. социальная помощь, оказываемая органами земского самоуправления, носила адресный характер и распространялась на определенную категорию лиц. Главным направлением благотворительной деятельности стала социальная защита детства. Благотворительная деятельность земства регламентировалась не только имперскими законами, но и внутренними правилами, выработанными самим земством. Социальная поддержка детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, осуществлялась в различных формах: призрении малолетних в Саратовском земском сиротском доме, в создании летних детских приютов, в пособиях различным детским учреждениям, опекающим безнадзорных детей и детей-инвалидов. Система призрения малолетних менялась количественно и качественно, особенно в сфере институтов патроната и усыновления, ко-

торые сейчас становятся приоритетными в сфере государственной защиты детства.

В начале XX в. Саратовское земство формулирует свою основную цель в сфере социальной защиты детства – создать условия для воспитания обездоленных детей как полноправных дееспособных граждан российского общества.

Список литературы

1. Федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 33, ст. 33340.
2. Максимов Е. Д. Очерк земской благотворительности в области общественного призрения. СПб. : Типография Правительствующего Сената, 1995. 75 с.
3. Ульянова Г. Н. Благотворительность в Российской империи. XIX – начало XX века. М. : Наука, 2005. 404 с.
4. Маханцева Е. В. Роль земского финансирования в сфере развития благотворительных учреждений Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Власть. 2014. № 12. С. 178–182.
5. Якубсон Е. В. Благотворительность в Московской и Тульской губерниях во второй половине XIX – начала XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 24 с.
6. Зайцева С. В. Земские учреждения и подкидыши в конце XIX века // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. Научный журнал. Серия история. 2008. № 2. С. 20–33.
7. Журналы очередного Саратовского губернского земского собрания 1872 г. Саратов : Типография Саратовской губернской земской управы, 1872. 349 с.
8. Журналы чрезвычайного Саратовского губернского земского собрания 3 июня 1900 года. Саратов : Типография Саратовской губернской земской управы, 1900. 36 с.
9. Журналы XXIV очередного Саратовского губернского земского собрания с 7 по 22 декабря 1889 г. Саратов : Типография Саратовской губернской земской управы, 1889. 431 с.
10. Назаров В. В. Земское здравоохранение Саратовской губернии в 60-е гг. XIX – начале XX вв. Саратов : Саратовский источник, 2022. 197 с.
11. Морозова Е. Н. Саратовское земство. 1866–1890 / под ред. Н. М. Пирумовой. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1991. 180 с.
12. Журналы XIX очередного Саратовского губернского земского собрания с 5 по 19 декабря 1884 г. Саратов : Типография Саратовской губернской земской управы, 1885. 342 с.
13. Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет : в 4 т. Т. 3. СПб. : Издательство О. Н. Поповой, 1911. 708 с.
14. Памятная книжка Саратовской губернии на 1904 год. Издание Саратовского статистического комитета. Саратов : Паровая скоропечатня губернского правления, 1904. 366 с.
15. Журналы 46-го очередного Саратовского губернского земского собрания сессии 1911 г. Саратов :

- Типография Саратовской губернской земской управы, 1912. 492 с.
16. Журналы 45-го очередного Саратовского губернского земского собрания сессии 1914 г. Саратов : Типография Саратовской губернской земской управы, 1916. 263 с.
17. Журналы 49-го очередного Саратовского губернского земского собрания сессии 1910 г. Саратов : Типография Саратовской губернской земской управы, 1911. 517 с.
18. Журналы XXIII очередного Саратовского губернского земского собрания 1–19 декабря 1898 г.; 9–13 января 1899 г. Саратов : Типография Саратовской губернской земской управы, 1889. 365 с.
19. Журналы 41-го очередного Саратовского губернского земского собрания 1–16 декабря 1906 г. Саратов : Типография Саратовской губернской земской управы, 1907. 562 с.
20. Журналы 43-го очередного Саратовского губернского земского собрания 1909 г. Саратов : Типография Саратовской губернской земской управы, 1909. 622 с.
21. Букреева Л. Я., Сиренко Ю. В. Региональный исторический опыт социальной защиты детей-сирот как механизм оказания помощи нынешним нуждающимся детям (на примере Уфимской губернии XIX века до 1917 года) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3 : Психология и педагогика. 2014. Вып. 3. С. 26–31.
22. Куровский В. Н., Пяткина Г. Н. Материнская депривация и ее структурные компоненты // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Вып. 10 (100). С. 141–144.
23. Островский А. Н. Без вины виноватые // Избранные произведения. М. : Издательский дом «Рипол Классик», 2003. 944 с.
24. Толстой Л. Н. О соске. Вставка в брошюру Е. А. Покровского «Об уходе за малыми детьми», 1899. URL: <http://tolstoy.ru> (дата обращения: 01.06.2023).
25. Кваша Е. А. Младенческая смертность в России в XX веке // Социологические исследования. 2003. № 3. С. 47–55.
26. Воспоминания И. П. Павлова, крестьянина Уфимской губернии. URL: <http://www.historian30h.livejournal.com> (дата обращения: 25.05.2023).
27. Шикунова И. А., Щербинин П. П. Ясли-приюты как особая форма социального попечения в Тамбовской губернии в начале XX века // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. 2020. Т. 25, № 184. С. 136–145.
28. Эльцин Б. М. Для чего нужны и как устраивать ясли-приюты в деревнях Уфимской губернии / [Соч.] Сан. врача Б. М. Эльцина ; Сан. бюро Уфим. губ. земства. Уфа : Электр. тип. «Печать», 1916. [4], II, 24 с.
29. Журналы 42-го очередного Саратовского губернского земского собрания 8–30 января 1908 года. Саратов : Типография Саратовской губернской земской управы, 1908. 493 с.

Поступила в редакцию 21.06.2023; одобрена после рецензирования 27.06.2023; принята к публикации 30.06.2023
The article was submitted 21.06.2023; approved after reviewing 27.06.2023; accepted for publication 30.06.2023